

Александр Минкин и Дмитрий Фурман - об интервью Дмитрия Медведева руководителям телеканалов

Опубликовано 24.12.2009

Елена Рыковцева : Мы прерываем трансляцию всех трех главных каналов страны и начинаем обсуждать то, что по этим каналам говорилось в течение часа. Александр Минкин уже хохочет.

Александр Минкин: Мне понравилось, как вы сказали – прерываем...

Елена Рыковцева: Смеетесь раньше времени. Сам по себе разговор еще продолжается, но мы от него без боли в сердце отрываемся или все-таки с болью?

Александр Минкин: Я думаю, что он мог бы и до утра продолжаться, поэтому мы сейчас поговорим, пообедаем, поработаем, вечером включим и увидим продолжение. Спорим?!

Елена Рыковцева: Включим.

Александр Минкин: Вечером воткнем телевизор, и там все будет это самое.

Елена Рыковцева: С нами на связи Дмитрий Фурман, политолог, который тоже первый час смотрел.... Не может пока оторваться? Как только он сочтет это для себя возможным, тогда и подключится к нашему эфиру. Что сейчас происходит? Впервые Дмитрий Медведев общается непосредственно с руководителями трех главных российских каналов, а это, как теперь выясняется, Первый, "Россия" и НТВ. Раньше такого не было. Раньше Дмитрий Медведев предпочитал или его предпочитали все-таки рядовые корреспонденты, рядовые сотрудники. Теперь уровень рангом повыше.

Александр, как вы считаете, кому проще задать вопрос президенту – журналисту, у которого не сопоставимый статус с этим человеком, первым лицом государства, или руководителю канала, который вроде бы посвободней теоретически должен себя чувствовать, но, с другой стороны, он же назначенец и есть?

Александр Минкин: Мое мнение вам может не понравиться. Но я бы предпочитал, чтобы клизму ставила медсестра, а не главный врач больницы. Потому что медсестра умеет это делать, а главный врач, конечно, важный человек, но делает это, может быть, и болезненно очень, излишне болезненно. Это сидят служащие. Президент страны (без всяких шуток) для них прямой руководитель. Это государственные каналы, как бы они там не назывались. Если НТВ принадлежит "Газпрому", то "Газпром" принадлежит государству и все равно Кремлю. Таким образом, это сидят подчиненные, которые ни за что не хотят огорчить начальника или поставить его в глупое положение или поставить его в сложное положение. А цель нормального интервьюера – это задать сложный вопрос, тяжелый вопрос, заставить человека задуматься. Он отвечает, не задумываясь. Это все, естественно, нет никаких сомнений, отрепетировано, согласовано. Возможно, там какие-то маленькие отсебятинки, потому что они же не учили наизусть, как стихи учат.

Елена Рыковцева: Нет, это не их уровень. Еще чего – наизусть учить!

Александр Минкин: Но обговорены темы, ходы, очередность. Я ни разу не увидел за час с небольшим этой передачи, чтобы кто-нибудь вдвоем начали бы задавать вопросы. Откуда они знают, чья очередь? Вот сидят люди – 4 человека, из них 3 задают вопросы. И вот ни разу не случилось так, что, когда президент закончил ответ на какой-то вопрос, дернулись бы задать вопрос все, а он бы сказал – погодите, пусть скажет такой-то. У них каким-то образом таинственным, телепатическим образом... Они знают, чья очередь.

Елена Рыковцева: Интересно как? Они не совсем по порядку идут, но порядок соблюдается при этом.

Александр Минкин: Может быть, они чувствуют это как-то, может быть, их кто-то там...

Елена Рыковцева: Может, лампочки загораются.

Александр Минкин: Да, может лампочки – ваша очередь. Там один раз кто-то прошелся спинами. Я побоялся, что он им батарейки поменял.

То, что вопросы подготовлены – это даже не надо обсуждать, это ясно ежу. Но то, что вопросы согласованы еще и с тем, кто будет отвечать! Понимаете, какая штука, цель интервью – поставить человека в сложное положение. Если ты говоришь: "Правда ли, что $2 \times 2 = 4$?" Это такой простой вопрос. Или, скажем: "Как вы думаете, нужна ли совесть чиновникам?" Конечно, она нужна чиновникам. Можно полчаса про это говорить. Это вопросы, ответы на которые, даже не будучи выученными, самоочевидны. А ни одного следующего вопроса не возникает. Вот они спросили важнейшую вещь про состояние милиции – что у нас происходит с МВД. Все знают – насилие, убийства, пытки. Ужас! Мы каждый день об этом слышим, о новых и новых преступлениях милиционеров. Я еще ожидал, что он скажет, что не надо всех мазать черной краской, но он сказал даже сильнее: "подавляющее большинство работников милиции честные и самоотверженные" и т. д. Если бы я там сидел, я бы выслушал этот вопрос, покивал головой и спросил бы: "А, скажите, пожалуйста, если это так, как вы говорите, то как же это подавляющее большинство честных и самоотверженных терпит, что в их рядах вот эта сволочь каждый день совершает преступления? Где находится вот это подавляющее большинство в тот момент, когда мизерное меньшинство по всей стране совершает пытки, убийства, ограбления, избивания ногами до смерти? Где находится подавляющее большинство?" Мне было бы интересно, как он начнет дальше отвечать. Когда бы он ответил, наверное, в ответ на его ответ возник бы дополнительный вопрос.

Елена Рыковцева: Добивок нет никаких абсолютно.

Александр Минкин: Да. Он сказал, я даже записал, потрясающую вещь. Кулиستиков там был самый лучший. Он задал там какой-то вопрос, я к нему вернусь. Кулистиков говорит: "Зарплата маленькая у милиционеров. Что вы собираетесь делать?" Медведев, ни секунды не задумываясь, говорит: "Да, мы будем увеличивать зарплату. Может быть, за счет некоторого сокращения численности, чтобы оставшиеся получали больше. Большой зарплатой привлечь бескорыстных". Е-мое! Я, конечно, хочу потом пересмотреть стенограмму, но мне кажется, что я записал дословно. Это гениальная фраза – большей зарплатой привлечь бескорыстных. Это очень старая история. Дай проститутке побольше денег, и она станет честной женщиной.

Елена Рыковцева: Я не соглашусь, потому что, действительно, нужна побольше зарплата милиционеру. Это правда.

Александр Минкин: Вы можете не соглашаться, а я вам говорю следующее. Если вы думаете зарплатой организовать честность – это безумие. Даже не пытайтесь спорить.

Елена Рыковцева: Я не понимаю, а какие еще стимулы для работы в милиции - в этой опасной, грязной, страшной?

Александр Минкин: Честь.

Елена Рыковцева: Да ладно!

Александр Минкин: А другие стимулы не работают.

Елена Рыковцева: Это живые люди. У них семьи. Их надо стимулировать как-то еще по-другому. Уж очень опасная работа.

Александр Минкин: Вы представляете себе уровень денег, который они получают в карман, обходя палатки и грабя? Я предполагаю, что это может быть порядка тысячи долларов в день, а может быть и 5 тысяч долларов в день.

Елена Рыковцева: А может быть и 100 долларов в день, а может быть и 500 рублей.

Александр Минкин: Нет, нет.

Елена Рыковцева: Ну, мы не знаем!

Александр Минкин: А я знаю. Есть статистика. Мы знаем, сколько идет по начальству дальше. Так вот, если человек получает грабежом и взятками 1 тысячу долларов в день, то какую же ему надо дать зарплату, чтобы он отказался от этих 30 тысяч долларов в месяц?

Елена Рыковцева: Александр считает абсолютно железной сумму черной зарплаты, полученной каждым российским милиционером, в 30 тысяч рублей насчитал.

Александр Минкин: Не тысяч рублей, а долларов. А я скажу, что если следовать вашей, Елена Рыковцева, президентской и кулиستиковской логике, то все, кто получают маленькую зарплату, просто должны грабить, воровать, брать взятки и тому подобное.

Елена Рыковцева: Нет, они не должны, но их нужно простимулировать. Говорят, учителя мало получают, врачи, все понятно, это плохо. Но у милиции очень опасная работа. Это та работа, человек может пойти на работу и не вернуться домой, потому что его могут убить. Он пойдет брать какой-то притон с наркоманами... Вы знаете, я категорически за то, чтобы эту работу выделить...

Александр Минкин: А я предлагаю выход. Вот президенту напишу, ей богу. Зарплату повышать можно бесконечно, а садист останется садистом, взяточник останется взяточником. Зарплата его не переделает. Но! Если вы хотите сказать, что они рискуют жизнью, хорошо. Давайте, мы его застрахуем на 1 млн. долларов или на 10 млн. долларов, но в том случае, если он погиб не по пьянке и не под колесами у товарища сдуру, а если он погиб в борьбе с преступниками. Вот погнался за преступником...

Елена Рыковцева: Тут я с вами согласна. Это очень разумно.

Александр Минкин: Тогда его семья должна быть пожизненно...

Елена Рыковцева: Или по случаю ранения. Пострадал на работе.

Александр Минкин: Пострадал не на работе, а в бою с врагом.

Елена Рыковцева: При исполнении служебных обязанностей.

Александр Минкин: При исполнении подвига, извините. А если он, сидя у себя на работе, заколол себя до смерти героином, тогда он при исполнении обязанностей ничего не может получить.

Елена Рыковцева: Но это не входит в его обязанности – колоть себя героином.

Александр Минкин: Вы не знаете, что такое юридические формулировки. Если вы написали «при исполнении обязанностей», значит, если он на работе и в форме – вот он при исполнении. А что он делает при этом...

Елена Рыковцева: Нужно это уточнить. Тут я соглашусь.

Александр, мы так перевозбудились, что не задали вопрос слушателям. Задайте, пожалуйста, вопрос.

Александр Минкин: Пусть слушатели скажут, от этих разговоров что-нибудь изменяется, по их мнению?

Елена Рыковцева: От интервью в прямом эфире Дмитрия Медведева руководителям главных каналов, которое мы сейчас обсуждаем.

Александр Минкин: От интервью, от посланий, от всех этих слов, которые звучат с кремлевских высот.

Елена Рыковцева: Давайте перейдем к этой замечательной истории с вопросом Кулистикова по поводу публикации в Георгиевском зале. Я вот, что хочу рассказать слушателям. Мы смотрели с Александром вдвоем телевизор. И когда Владимир Кулистиков начал произносить примерно следующий текст: я был на вашем послании Федеральному Собранию в Георгиевском зале. Я был очень впечатлен не только самим обращением, но и публикой в зале. Вы посмотрите, чем они занимались – одни обсуждали вчерашнюю вечеринку, другие играли мобильным телефоном. Никакого внимания не оказывали уважения лидеру страны... Как-то он так закончил, что ведь вы же задумайтесь, что между вами и страной вот это вот чиновничество сидит тупое. Тут Александр Минкин говорит: "Ведь это же то же самое, что я писал про эту публикацию в Георгиевском зале!" А я подумала, Александр, это не одно и то же. Вы писали о людях, которых вы видите по телевизору, а Владимир Кулистиков рассказывает о людях, которые сидят рядом с ним. Разница чувствуется или нет?

Александр Минкин: Я даже подумал, может быть, он мою заметку цитирует. Потому что заметка про послание президента так и называлась "Послание к кремлевской стене". Это стена, которая абсолютно не заинтересована ни в каких реформах. Кулистиков это сказал и большое ему спасибо.

Елена Рыковцева: Но он же кирпичик в этой стене. Сидит кирпичик и жалуется на другие кирпичики. Это не одно и то же, что сидите вы, перышко, в "Московском комсомольце" и осуждаете эти кирпичи, эту стенку. Это разные две истории.

Александр Минкин: В этой стенке есть кирпичики, которые выполняют разные функции. Одни кирпичики, чтобы стучать по голове, другие кирпичики обеспечивают здоровье.

Елена Рыковцева: Чтобы просто стучать.

Александр Минкин: Да, просто, чтобы стучать. (Смеется) Из этой стенки вдруг может кирпичик исчезнуть в доли секунды. Кадровое решение принимается в доли секунды. Медведев ему так и сказал: "Кулистиков, ну-ка мне список этих всех людей, пожалуйста".

Елена Рыковцева: Он ответил – «Всенепременно».

Александр Минкин: А он ответил – всенепременно.

Елена Рыковцева: Как мы с вами разыграли всю эту сцену в ролях.

Александр Минкин: Это вроде бы шутка, а в каждой шутке...

Елена Рыковцева: А чем для Владимира Кулистикова аукнется эта шутка, как вы считаете, со стороны вот этой стены, про которую он так?..

Александр Минкин: Ничем. Немножко хулиганит там, выгодно отличаясь от абсолютно правильных больших начальников.

Елена Рыковцева: Я имею в виду не со стороны Медведева, Медведев благодарен. А вот со стороны стены, в которую он в следующий раз пойдет слушать послание, а от него отодвинутся люди.

Александр Минкин: Нет.

Елена Рыковцева: Скажут, а он нас заложит.

Александр Минкин: Наоборот, к нему придвинутся люди и скажут – мужик, хочешь Maubach, только меня не вписывай туда.

Елена Рыковцева: Или скажут так – смотри, а я не играюсь в мобильный, я внимательно слушаю! В общем, полиция нравов в лице Владимира Кулистикова в этом зале обеспечена.

Александр Минкин: Уважаемые слушатели, как бы я был рад, если бы мы с Еленой Рыковцевой собрались бы обсуждать мою книжку "Нежная душа".

Елена Рыковцева: Нет, номер не прошел.

Александр Минкин: Номер не прошел. А я собирался прийти сюда и сказать – купите ее в подарок друзьям на Новый год, и будет хорошо на душе, поскольку она называется "Нежная душа". А пришлось про это говорить. И все-таки вопрос повторим. Скажите, пожалуйста, кто-нибудь видит какую-то пользу от этих посланий, обещаний с народом в прямом эфире, но все-таки в масштабах страны? Сегодня Медведев сказал про очень важную вещь – про лекарства. Он сказал – ну, что же это такое, даже из 20 самых нужных лекарств, только, кажется, два делается у нас, а остальное все покупаем! Он сказал так, как будто он прилетел с Марса, как ревизор, и обнаружил вот эту ужасную ситуацию. Ты где был последние 20 лет?! А последние 10 лет ты где был?! А когда ты был начальником национальных проектов, ты где был?!

Елена Рыковцева: Совсем забыли про эти проекты.

Александр Минкин: Он руководил...

Елена Рыковцева: А вы обратили внимание, что никто не вспоминает?

Александр Минкин: Я сам забыл. Я сейчас вспомнил, сию секунду.

Елена Рыковцева: А я недавно вспоминала, где же они?

Александр Минкин: Сам разговор вывел на это. По-моему, в число нацпроектов входило и здравоохранение. Я не уверен, но мне кажется, что входило. И вот теперь человек, который отвечал за это несколько лет, мне говорит – знаете, у нас лекарства не производятся. А еще он говорит – а вы знаете, у нас цены неоправданно высокие. Он просто прилетел с другой Галактики и обнаружил вот эти ужасные вещи. Производство наладить быстро невозможно. Наверное, это нужно время, инженеры, нужно привести сюда специалистов хоть из Германии, как Петр I, на которого они все ссылаются. Но цены! В приказном порядке могли бы быть приведены в соответствие хотя бы с европейскими. Мы уже 100 раз об этом говорили. У нас цены в России в 3-4 раза выше, чем в Европе. Вот на это-то не нужно много времени. Нужно сказать, чтобы через 5 минут висели ценники, а где найду старые – расстреляю. Посажу – не надо стрелять, зачем. Он же сказал – надо сажать.

Елена Рыковцева: Сергей уточняет: "Президент сказал – большинство моих коллег по юрфаку честные и порядочные. За других он не ручался".

Александр Минкин: Нет, это был другой ответ. Я точно знаю, что он сказал. Сначала Добродеев сказал про МВД, что претензий накопилось немало. Ответ: "Сегодня подпишу указ о совершенствовании, претензий много, часть справедливы, но подавляющее число честные и преданные своему делу". А уже потом он заговорил... Это было минут через 15, когда его спросили про зарплату. Когда Кулиستиков спросил про зарплату, вот тогда он сказал, что надо привлечь бескорыстных. И еще он сказал: "Мои товарищи по высшему образованию пошли в МВД. Тяжелый труд". А я немедленно бы по окончании этого "тяжелого труда", как только бы он договорил, я бы его спросил: "Господин президент, а ваши товарищи, которые пошли в МВД, на чем они ездят? Какая у них машина при маленькой зарплате в МВД?" Зарплата в МВД маленькая. Недавно едем, и мой младший увидел как проехала машина. А он большой специалист по машинам. Он их узнает с любого ракурса.

Елена Рыковцева: Я вам тут не товарищ, в этом разговоре. Я только по цвету их различаю.

Александр Минкин: Он узнает марку, модель и знает, сколько стоит. И он вытаращился, разинул рот: "Ух, ты!" Проехала машина с милицейским номером. При этом он сказал, что она стоит 120 тыс. долларов. С мигалкой. Патрульная машина с мигалкой за 120 тыс. долларов. Это хорошо! Какие им еще нужны повышения зарплаты? Вы чего?!

Елена Рыковцева: Но это бюджет их так хорошо содержит. Это не частная машина этого начальника. Это машина, которая на балансе МВД, видимо, находится.

Александр Минкин: Откуда я знаю. Они могут и так сделать – поставить на свою машину милицейский номер.

Елена Рыковцева: Светлана Ивановна пишет, что "самое главное – нужно запретить посылать милицию и ОМОН в Чечню в командировки. А если такое приключилось, то на полгода отстранять от работы с людьми и пройти реабилитацию у психологов". Она считает, что все зверства и вся та агрессия, которую мы наблюдаем у сотрудников милиции, оттуда.

Александр Минкин: Она во многом права. К сожалению, это поздно. В 1996 году (это сколько же лет назад? 13 лет назад), когда Лебедь подписал эти соглашения, и война была окончена, первая чеченская война, осень, я написал заметку в "Новой газете". Так она и называлась "Карательная экспедиция окончена. Ждите нас дома". И вот там как раз про это было написано, что люди, которые вели карательные операции, неважно где – во Вьетнаме американцы, или в Афганистане советские, или в Чечне российские – они возвращаются с покалеченной психикой, чрезвычайно агрессивные. Мы им не нравимся. У меня есть товарищи, у меня есть

очень верные и хорошие товарищи, которые прошли Афган, например, в натуре. Первые годы, а подвыпив, и сейчас они впадают в это состояние, эти мирные люди, которые ходят по улицам, это какие-то... Их нужно наказывать, они совершенно неправильные. Они не понимают, в чем смысл жизни. Они ничего не знают. Они какие-то тряпки, размазни. Они знают, где родину надо защитить. У них агрессия внутри со страшной силой кипит.

Елена Рыковцева: Я выношу глубокую благодарность Никите Андреевичу, нашему слушателю, который поставил нас в известность, что в 13:21 интервью Дмитрия Медведева руководителям каналов закончилось. Поздравляет нас с Сочельником. Спасибо, Никита Андреевич! Взаимно. Чудесный праздник. Действительно, правду сказал Александр Минкин, что мы собирались совершенно о другом говорить в этот праздник, о театре. Ну, вот так случилось. В следующий раз.

Александр Минкин: В январе.

Елена Рыковцева: Да, в конце января.

Александр Минкин: А вы купите, прочитайте, и мы обсудим ее вместе. Я рекламой занимаюсь.

Елена Рыковцева: Хватит нам рекламы. Вы уже третий раз об этом говорите. Вот Никита Андреевич из принципа не купит вашу книжку, отомстит вам.

Александр Минкин: Ну, и ладно. А я ему подарю.

Смех в студии

Елена Рыковцева: Никита Андреевич, ловите его на слове!

К нам присоединился Дмитрий Фурман. Мы очень признательны вам, что вы до конца дослушали. Ведь нам же пришлось оторваться с болью в сердце, или без боли, но мы оторвались за 24 минуты до окончания этого исторического интервью.

Дмитрий, я в "Интерфаксе" вижу, что Дмитрий Медведев ответил на вопрос об отношениях с Владимиром Путиным, сказал, что они по-прежнему товарищеские. А вы не вспомните, не расскажете нам, как был сформулирован сам вопрос об этих отношениях?..

Александр Минкин: И ответ.

Елена Рыковцева: Кто ему этот вопрос задавал?

Дмитрий Фурман: Этого я не помню, кто задавал. Но вопрос был сформулирован типа – такие же они товарищеские, как и были?

Елена Рыковцева: То есть не омрачило ли их что-нибудь?

Дмитрий Фурман: Он ответил, что, да, такие же товарищеские. Ничего особенного ни в вопросе, ни в ответе тут не было.

Елена Рыковцева: И глазом не моргнул при этом

Дмитрий Фурман: Нет, безусловно.

Александр Минкин: Моргать можно только от неожиданного вопроса. А там таких не бывает.

Дмитрий Фурман: Да, это вопрос вполне такой закономерный, ответ закономерный. Нет проблем здесь никаких.

Елена Рыковцева: Дмитрий, вы пока добросовестно смотрели окончание этой трансляции, Александр говорил о том, что на него это все производит впечатление некоторой искусственности. Он предпочел бы, чтобы медсестра в больнице все-таки делала укол, а не главный врач.

Александр Минкин: Я сказал – клизму.

Елена Рыковцева: Ну, вот видите, как я вас почистила.

Александр Минкин: Конечно, медсестра лучше.

Елена Рыковцева: Он считает, что корреспондент это сделал бы это лучше. Я считаю, что абсолютно все равно, потому что корреспонденты российских каналов, которых допускают до интервью с такими людьми, точно также себя ведут сдержанно, корректно, не позволяют себе лишнего. Если бы это был нормальный корреспондент, который разговаривал бы с нормальным президентом, с обычным, наверное, из другой страны, может быть, это было бы какое-то интервью профессиональное. Здесь же, что руководитель канала, что корреспондент зажаты в рамки каких-то условностей. На вас какое впечатление произвели вопросы, которые задавали руководители?

Дмитрий Фурман: Я согласен с тем, что вы говорите. Вопросы были, я бы сказал, корректные, но чуть-чуть, может быть, раздвигающие планку допустимого. Например, там был задан вопрос о "басманном правосудии". Я уже не помню кто, но кто-то спросил – знает ли Медведев такой термин.

Александр Минкин: Это Эрнст сказал.

Дмитрий Фурман: Да, да, Эрнст. На что Медведев сказал, что термин знает. Он не считает, что он может быть некорректен по отношению к басманному суду. Дальше он сказал довольно общие вещи, не шибко интересные.

Елена Рыковцева: Рядовой журналист вряд ли бы рискнул произнести в его присутствии это сочетание "басманное правосудие".

Дмитрий Фурман: Да, да. А наиболее неожиданный и яркий момент был в конце в ответе на совершенно такой пустой вопрос – что вы читаете?

Елена Рыковцева: Ух, ты!

Александр Минкин: Интересно!

Дмитрий Фурман: Он сказал, что у него сейчас лежат три книги – Ключевский, Ремарк и Пелевин. Последняя книга Пелевина.

Александр Минкин: Все хорошо. Первая хорошо, что Ключевский...

Елена Рыковцева: А что Ремарка он вдруг начал читать?

Дмитрий Фурман: Он что-то объяснил, я сейчас не совсем помню.

Елена Рыковцева: Значит, будет "Третий товарищ"...

Дмитрий Фурман: «Он, может быть, такой сентиментальный писатель, но я его люблю».

Александр Минкин: Перечитывает.

Дмитрий Фурман: Но упоминание в этом ряду Пелевина – это очень такая знаковая вещь.

Елена Рыковцева: А почему?

Дмитрий Фурман: Ведь не так давно Пелевина, как и Сорокина не то сжигали, не то спускали...

Александр Минкин: Это Сорокина спускали, а Пелевина вроде никогда и никто не трогал.

Дмитрий Фурман: Нет, Пелевина тоже! Что вы! По-моему, обоих их, но Сорокина больше.

Елена Рыковцева: Нам сейчас слушатели позвонят и все расскажут. У нас слушатели, бывает, гораздо внимательнее следят за событиями.

Александр Минкин: Я вам сейчас скажу, что мы сегодня наблюдаем. Это последствия моего вчерашнего похода в консерваторию. Оперу кто-нибудь слушал хоть раз в жизни? Там плохо различаются слова. Большею частью мы с трудом даже понимаем, если они по-русски поют. А если уж они поют по-иностранному, то вообще! Но в опере, так устроено, что слова плохо различимы даже у солистов, а уж хор поет какую-то невнятицу. И вот вчера я узнал, наконец, что он поет в одной замечательной опере, где главный герой зовет на бой за родину, а хор, огромный хор, совершенно невнятно поет, оказывается вот что: "Бежим, бежим, спасем, спасем!"

Смех в студии

Елена Рыковцева: Очень символично.

Александр Минкин: И вот сегодня у нас просто в такой маленькой миниатюрной форме герой пел: "Сейчас родину спасу!", а те подпевали: "Бежим, бежим, спасем, спасем, скорей, скорей, скорей, скорей!" И вчера же гениальный Геннадий Рождественский сказал: "При этом никто никуда не бежит – ни герой, ни хор не двигаются с места, а только поют – скорей, скорей, бежим, бежим, спасем, спасем!"

Елена Рыковцева: Это просто символ всего.

Александр Минкин: Просто ура!

Елена Рыковцева: Уважаемые коллеги, поскольку приближается детский праздник Новый год, я и задам вам детский вопрос по принципу, кого вы больше любите – папу или маму. Что вам больше, Александр, понравилось – прямая линия Путина с народом или прямое общение Дмитрия Медведева с руководителями каналов?

Александр Минкин: Я все-таки за Путина. Безусловно, он интереснее. Он как-то живее. У него какие-то словечки. Притом, что все равно все заготовлено, но у него к этому способность гораздо большая. Его этому и учили, его учили вербовать. Поэтому все люди, которым нравится, как он выступает, как он общается, как он говорит, должны понимать, что это талантливый, но обученный профессионал.

Елена Рыковцева: Дмитрий, что вы скажете?

Дмитрий Фурман: У меня другая немножко точка зрения, ощущение другое, скажем. Путинское общение с народом - это такое создание иллюзии и для себя, и для всех, но для себя, прежде всего, иллюзия обратной связи, иллюзия связи с этим народом. Масса вот этих заготовленных вопросов, заготовленных ответов.

Александр Минкин: Я про манеру говорил.

Дмитрий Фурман: Манера у него лучше, безусловно. Но фактически Медведев говорит как-то проще что ли, более человечески. Он действительно пытается в какие-то диалоги как бы вступать. Все-таки люди довольно разные. Медведев, безусловно, и интеллигентнее, и спокойнее, с моей точки зрения, нормальнее что ли.

Александр Минкин: Он вырос в другой обстановке. Один дворовый, который должен был доказывать силой какие-то вещи, а другой – спокойно.

Дмитрий Фурман: Да, да, да.

Елена Рыковцева: Посмотрите, какой наоборот получился. Дмитрий Медведев планировал, судя по тому, что сказала его пресс-секретарь, общение с этими тремя руководителями в течение 2 часов. Он отвел на это 2 часа. Пока я смотрела первую часть – до 1 часа дня, я все думала, как они растянут на 2 часа?! Такие вопросы уже шли искусственные. Когда Олег Добродеев спросил – осталась ли воля и сила у русского народа? – я поняла, что спрашивать уже просто не о чем. Я подумала – как он еще час будет тянуть? И, слава богу, наш слушатель рассказал, что всего 21 минуту он тянул после этого. У Путина все наоборот. Планируется прямая линия до 2 часов дня, а на самом деле он продлевает, и продлевает, и дальше еще 1,5 часа. Начинаются опять рекорды в Книгу Гиннесса. Это о чем-то говорит или ни о чем, просто случайность?

Александр Минкин: Я думаю, что Путин получает кайф своеобразный, иначе бы он не устраивал эти многочасовые штуки. Я думаю, что он получает удовольствие. Он в это время – царь!

Дмитрий Фурман: Я абсолютно согласен. Он заряжается энергией от этого бесконечного марафона.

Елена Рыковцева: Да, от этих вялых руководителей не сильно чем зарядишься, это правда.

Александр Минкин: А вы знаете, я, конечно, не видел, как кончалось, но весь первый час, может быть, вы обратили внимание, Дмитрий, и задающие вопросы улыбались. Он задает вопрос, даже очень печальный – а что у нас там с МВД? – и при этом какая-то сквозит улыбка. И у Медведева улыбка. Им немножко неудобно...

Елена Рыковцева: Извиняющаяся улыбка.

Александр Минкин: Да, им немножко неудобно за этот спектакль, мне кажется.

Елена Рыковцева: Юрий из города Прокопьевск, здравствуйте!

Слушатель: Здравствуйте! Подобное шоу я характеризую на уровне 10%. КПД – 10%. Удручающее впечатление. Остается только молиться за здоровье Медведева.

Елена Рыковцева: Все-таки молиться за его здоровье.
Татьяна Яковлевна из города Истра, здравствуйте!

Слушатель: Здравствуйте! Я думаю, что ничего не изменится от этой говорильни. Потому что отсутствовал руководитель канала "Культуры". А это говорит о том, что в развитии нашего общества нет места этой самой культуре. Значит, наш народ будет и дальше поглощать то, что производят на своих каналах эти присутствующие руководители, или как сейчас говорят – пипл хавает. А если он хавает пошлость, халтуру, даже такую качественную как "Прожекторперисхилтон", то и живет он пошло и работает халтурно. Поэтому никакая стимуляция зарплаты не поможет. Культурному человеку присуща внутренняя гармония. Он будет совершать неблагоприятных поступков.

Александр Минкин: Спасибо.

Елена Рыковцева: Очень интересное мнение.

Александр Минкин: И мне не придется ругать телевидение.

Елена Рыковцева: А я сижу и думаю, вот вышел бы сейчас Сергей Шумаков. Это новый руководитель канала "Культуры", только сейчас он назначен. Пока его еще лицом канала "Культуры" назвать нельзя.

Александр Минкин: Начальником канала "Культуры" был Добродеев.

Елена Рыковцева: Совершенно точно. Он руководитель всего холдинга. Он за всех и ответил. Сергей из Петербурга, здравствуйте!

Слушатель: Здравствуйте! С восхищением слушаю Александра Минкина. Хочу вспомнить. На заре туманной юности читал Вадима Сергеевича Шефнера, питерского поэта, но он писал и книжки, полуфантастические, под Стругацких. Он предсказал, что каждый человек в будущем сможет напечатать одну книжку, две книжки – для своей жены, три книжки – для своих детей, четыре – для своих друзей и т. д. В одной из повестей у него герой сталкивается с Владимиром Владимировичем, с Петром Петровичем, Николаем Николаевичем. Эти люди делают такие чудеса, что нарочно не придумаешь! Так вот, пока у власти будет Владимир Владимирович, Михаил Михайлович будет стремиться к власти, а Сергей Сергеевич будет заниматься партстриотельством, будет хуже, чем по-Черномырдину. Будет как всегда, но с каждым днем все хуже и хуже.

Александр Минкин: Забавно.

Елена Рыковцева: Я сейчас почитаю пейджер, а потом спрошу у Дмитрия Фурмана, зачем тогда они все это проводят, если люди так реагируют.

Александр пишет: "Пустословие. Дело делать надо. А от разговоров все уже устали. Он грозился принять меры после проверки откровенно воровских "малин", трак называемых госкорпораций, а все ушло в песок". А мы еще не знаем, Александр, может и не ушло. Там долго с этими корпорациями надо разбираться.

Александр Минкин: Там глубокий песок.

Елена Рыковцева: Там песок зыбучий.

Александр Минкин: Золотой песок там.

Елена Рыковцева: Не подписанное сообщение: "Следя за выступлением российского президента, впервые возникает чувство гордости за этого умного человека. Но, к сожалению, вывести Россию из тупика Дмитрий Медведев сможет только, если освободится от скелета". Вот так!

"А Васьки слушают, да едят", - подпись "Вертикаль власти".

"Господин Минкин, с такой вашей въедливостью вам никогда не стать ни руководителем НТВ, ни канала "России", ни любого другого канала, и не задать вам напрямую президенту вопрос", - Степан из моей родной Воркуты.

Александр Минкин: Степан из Воркуты молодец! Что я могу сказать, правильно написал-то.

Елена Рыковцева: Ваше дело – это большие письма, а вопрос задавать – не получится.

Александр Минкин: При своей въедливости я ему задам. Пойду сейчас в редакцию, напишу ему письмо и задам вопрос. Потому что президент сейчас сказал по телевизору, если кто видел, слышал и запомнил эту фразу, он сказал, что он встречается и с лидерами непарламентских партий, чтобы узнать, чем живут люди, отдающие им свои голоса. Встречается с лидерами непарламентских партий, но не с несистемными, а с системными лидерами. Я бы сказал – уважаемый господин президент, может быть, прямо у людей, не устраивая вот эту?..

Елена Рыковцева: Он пойдет на эту ферму, и вам покажут по телевизору, как он прямо у людей спрашивает, как они живут.

Александр Минкин: Нет, нет.

Елена Рыковцева: А как?

Александр Минкин: Не с огромными мигалками на ферму в белом халате.

Елена Рыковцева: А как без мигалок?

Александр Минкин: Приклеивается борода, надевается ватник...

Елена Рыковцева: ...и мешок за спину.

Александр Минкин: В метро спускаешься и все слышишь. В маршрутку садишься с мигрантами и все знаешь.

Елена Рыковцева: Владимир из Москвы: "Чем чаще будет выступать президент и премьер, тем больше будет сторонников "Марша несогласных" и вообще людей, которые хорошо понимают, что это просто сотрясение воздуха".

"Меню меняется. За модернизацией свежую лапшичку пиплу хавать", - Федор прогнозирует.

"Важна не только зарплата, но и целеполагание, работа, а также моральная атмосфера в органах МВД", - пишет Виктор.

"Послание – хлеб журналюг и прочих трепачей", - пишет Жильцов.

Александр Минкин: Bravo!

Елена Рыковцева: "В стране триумфальное шествие бандитизма. Ежедневно убивают тысячи и тысячи людей, а у Медведева почему-то подавляющее большинство правоохранительных работников честные и порядочные люди, прекрасно выполняющую свою работу", - Юрий Николаевич пишет.

Татьяна: "Смогли бы руководители канала задать вопрос – когда прекратиться средневековая инквизиция по отношению к Ходорковскому? Это же позорит Россию, как варварскую страну". В какой-то момент Александр Минкин, когда смотрел Медведева, сказал – ага, Ходорковского завтра выпустят.

Александр Минкин: Это когда он сказал, что "басманное правосудие" – это плохо, что судей, которые выносят неправосудные приговоры, надо наказывать. Ну, я сказал – наверное, Ходорковский через 5 минут уже выскочит.

Елена Рыковцева: Дмитрий, зачем все эти интервью, если они только озлобляют народ против собственных руководителей?

Дмитрий Фурман: Во-первых, я совершенно не уверен, что они озлобляют народ. Никто это не исследовал. Во-вторых, все эти интервью... Знаете, мы ведь в громадной мере повторяем советскую жизнь, советский цикл развития. Надо внимательно слушать эти интервью, так как мы внимательно слушали, предположим, интервью или выступление Андропова или раннего Горбачева. Там выскакивают какие-то фразы, выскакивают какие-то намеки, которые, в общем, очень значимы. Тот же ответ насчет "басманного правосудия". Он вполне значим. Даже вот эта фраза, наверное, все-таки случайная о Пелевине. Вряд ли это все так уж запланировано было. Все это очень значимо. Это говорит о каких-то глубоких и подспудных изменениях и в политике, и в направлении развития, но которые не могут быть так прямо открыто высказаны.

Александр Минкин: Почему? Послушайте, Дмитрий. Вы говорите, что это все важно, что нужно, но это только, извините, вот такие бездельники, как мы, можем 1,5 часа тарашиться днем в телевизор. А вообще-то люди, кто на работе, кто в школе. Кто это смотрит-то? Вы думаете, домохозяйки, которые сидят дома, бросили чистить картошку и 1,5 часа сидели?

Елена Рыковцева: Александр, давайте на второй круг не будем заводить разговор. В прошлый раз мы это уже обсуждали. Им покажут это вечером по всем каналам. Они будут в курсе этого интервью.

Дмитрий Фурман: Конечно!

Александр Минкин: А я вас уверяю, что это не так. И если завтра я поеду на метро и буду спрашивать – смотрели, слушали? На меня будут с недоумением смотреть – вы о чем?

Дмитрий Фурман: Александр, кто из советских людей читал или выслушивал до конца доклады генсеков?

Александр Минкин: Никто и правильно делали!

Дмитрий Фурман: Но доклады генсеков были значимы.

Александр Минкин: Для аппарата.

Дмитрий Фурман: Для аппарата, безусловно.

Александр Минкин: Вот сегодня прозвучала важная фраза, что сейчас, сегодня, только с вами поговорю, сказал президент этим лидерам каналов, начальникам, и пойду подписывать указ про МВД, в том числе по кадровым вопросам.

Елена Рыковцева: Так он под это интервью указ и писал.

Александр Минкин: Кто-то из них его спросил: "А поподробнее?" Он сказал: "Сначала подпишу". Я представляю себе, что творится с Нургалиевым, который, конечно, сидит у себя в кабинете и смотрит, как это все, и слышит, что президент довольно жестко говорит – подпишу указ о реформировании каких-то вещей и кадровый вопрос.

Елена Рыковцева: Ну и что?

Александр Минкин: И вот Нургалиев... Сколько раз он бегал в заднюю комнату в своем кабинете, ожидая, что ж там в этом указе.

Елена Рыковцева: Да знает он уже все, что там.

Александр Минкин: Откуда?

Елена Рыковцева: Если у них хорошие деловые отношения, все про этот указ он давно знает. И проект указа готовил ему Нургалиев, поверьте, или его секретари.

Александр Минкин: Вы поверьте, что у нас люди узнают об увольнении по радио.

Елена Рыковцева: Это если уволят, то узнают по радио. А если указ конструктивный, с направлениями, с мерами, то Нургалиев и готовил. Михаил из Москвы, здравствуйте!

Слушатель: Здравствуйте! У меня вопрос к Александру Минкину. Скажите, пожалуйста, а почему на такую маленькую зарплату идут наши милиционеры?

Александр Минкин: Да, потому что они знают... Вы простите меня, вы такой наивный человек! Они не идут на маленькую зарплату. Они платят большие деньги, чтобы их туда взяли! Чтобы пойти участковым, надо 5-10 тыс. долларов заплатить. А чтобы стать начальником отделения милиции, наверное, надо заплатить 100 тыс. долларов в Москве. А где-нибудь в Ингушетии – наверное, 1 млн.

Елена Рыковцева: У меня очень важный вопрос к Дмитрию. Не будем продолжать тему милиции.

Александр Минкин: Подавляющее большинство там честные и порядочные люди.

Елена Рыковцева: Вот именно, тем более, что там подавляющее большинство честные люди.

Александр Минкин: Это я процитировал президента. Вы не подумайте, что это я так думаю.

Елена Рыковцева: А я подписываюсь, я так думаю.

Александр Минкин: Ну, погодите!

Елена Рыковцева: Да, что вы меня страшаете! Посмотрите, сидит – угрожает! Итак, Александр Минкин спросил меня, о чем бы я спросила Медведева. Я сказала, что мне это неинтересно. У меня никогда нет вопроса в голове ни Путину, ни Медведеву. Хотя это стыдно с профессиональной точки зрения. Дмитрий, если бы вам представилась возможность, вас бы допустили до этого тела, о чем бы вы спросили?

Дмитрий Фурман: Ничего.

Елена Рыковцева: Ну, никакой фантазии. Называется коллеги. А вам почему ничего не спрашивается?

Дмитрий Фурман: Я не знаю. Но, предположим, если бы мы с ним сидели и выпивали на кухне, то вполне возможно получился бы какой-то интересный разговор. Но если меня представить на роли интервьюера и т. д., я бы просто не хотел быть на этой роли. А если бы все-таки оказался, ну задавал бы вопросы, ответы на которые я более-менее предполагаю. Это не очень интересно.

Елена Рыковцева: Неинтересно.

Александр Минкин: Да. Например, вопрос бы я задал для картинки, для красоты – скажите, пожалуйста, почему обещаете ветеранам Великой Отечественной войны квартиры к 60-ти, или 70-ти, или к 100-летию Победы?

Елена Рыковцева: Для красоты. А что ответит – понятно.

Александр Минкин: Казалось бы, уже пора бы им всем иметь квартиры.

Елена Рыковцева: А он скажет – хоть так, хотя бы это.
На этом заканчиваем "Час прессы" на волнах Радио Свобода.